

2. M. V. Boykova "Foreign experience of customs administration", 2017.

3. V. N. Ionicheva "Interaction of customs services of foreign countries with participants of foreign trade activity", 2012.

УДК 316.73

СЕТИ ВЗАИМОПОМОЩИ: РЕГУЛЯТИВНАЯ РОЛЬ РЕЦИПРОКНОСТИ

Реутов Е.В.,

к.с.н., доцент кафедры социальных технологий
НИУ «БелГУ»
Россия, г. Белгород

Реутова М.Н.,

к.с.н., доцент кафедры социальных технологий
НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Шавырина И.В.,

к.с.н., доцент кафедры социологии и управления
БГТУ им. В.Г. Шухова,
Россия, г. Белгород

Аннотация. В статье на основе результатов авторских эмпирических исследований проанализирована роль принципа реципрокности в воспроизводстве социальных сетей и функционировании практик взаимопомощи в местных сообществах. Показано, что взаимообмен ресурсами с родителями и взрослыми детьми характеризуется наиболее высокой степенью интенсивности. При этом большинство участников таких обменов не рассчитывает на эквивалентный объем ответных услуг, а сами эти взаимодействия имеют характер обобщенной реципрокности. По мере продвижения в сторону «слабых» связей (с соседями, коллегами по

работе, знакомыми) доминирует установка на сбалансированную реципрокность: получая помощь, от 50% до 57% респондентов рассчитывают на эквивалентную отдачу. Обоснована нормативная значимость принципа реципрокности и его системообразующий характер в различных типах сетей взаимопомощи, при этом доказано, что в родственных связях реципрокность имеет, прежде всего, эмоционально-психологическую и ценностную подоплеку, в остальных сетях взаимопомощи сбалансированный характер ресурсных обменов является условием их стабильного функционирования.

Ключевые слова: взаимопомощь, сети взаимопомощи, адаптация, реципрокность, трансфер ресурсов

NETWORKS OF MUTUAL AID: REGULATIVE ROLE OF RECIPROCITY

Abstract. *The article analyzes the role of the principle of reciprocity in the reproduction of social networks and the functioning of mutual assistance practices in local communities based on the results of author's empirical studies. The exchange of resources with parents and full-grown children is characterized by the highest degree of intensity. Most participants in such exchanges do not expect an equivalent volume of response services, and these interactions themselves have the character of generalized reciprocity. As we move toward «weak» ties (with neighbors, colleagues, acquaintances), the attitude for balanced reciprocity dominates: receiving assistance, 50% to 57% of respondents expect an equivalent return. In the motivation of mutual aid, the attitude on a balanced reciprocity is most clearly expressed in professional and neighboring networks. The normative significance of the principle of reciprocity and its system-forming character in various types of mutual aid networks is substantiated, and it has been proved that reciprocity in family ties has, first of all, an emotional-psychological and value*

background, in other networks of mutual aid the balanced nature of resource exchanges is a condition for their stable functioning.

***Keywords:** mutual aid, networks of mutual aid, adaptation, reciprocity, transfer of resources*

Введение. Для получения адекватного представления о том, что представляет собой российское общество необходимы различные исследовательские стратегии и инструменты. И в комплексе данных методологических оснований и исследовательских процедур находятся те, что позволяют осуществлять эмпирическую фиксацию и теоретическое осмысление повседневности как одного из аспектов объективной и субъективной реальности. На уровне местных и локальных сообществ может складываться не совсем обычная логика отношений между акторами, доминировать совершенно другие смыслы их деятельности, а повседневные социальные и межличностные коммуникации – руководствоваться альтернативными нормами.

В российском обществе, как стало понятно в последние десятилетия, ухудшение социально-экономической ситуации не формирует автоматически запрос на перемены, а смутное недовольство властью практически никак не центрируется и, несмотря на демократический дизайн политической системы, не ведет к ее смене.

Проводящиеся в последнее время социологические опросы фиксируют интересную тенденцию – продолжающееся четвертый год падение реальных доходов населения вызвало спад потребления лишь на своем начальном этапе. Если в 2015 году приобретением смартфона или мобильного телефона, по данным ВЦИОМ, могли похвастаться 17% респондентов, то в 2017-м – 26%, автомобиля – 6% и 11%, соответственно [4].

По результатам мониторинга исследовательского холдинга РОМИР (декабрь 2017 г.), для преодоления экономических трудностей россияне

заметно реже стали прибегать к такой адаптационной стратегии, как распределение трат в пользу «еды и самого необходимого» – 33% против 43% в 2015 году [2].

Таким образом, в процессе реализации социальных практик вырабатываются адаптационные механизмы, позволяющие преодолеть или уменьшить разрыв между, во-первых, представлениями о должном и реальной ситуацией (социокультурный уровень) и, во-вторых, уровнем социальных запросов граждан и реальной эффективностью общественных институтов (институциональный уровень).

Социальные сети как адаптационный механизм. Одним из ключевых адаптационных механизмов являются социальные сети, представляющие собой совокупность социальных связей и контактов неформального характера, выполняющих по отношению к их участникам коммуникативную, информационную, дистрибутивную функции. Социальные сети представляют собой форму социальной организации, во многом альтернативную формальной институциональной структуре, представленной государственными и муниципальными органами, учреждениями, корпорациями и другими формальными институциями. В отличие от последних, социальные сети как продукт самоорганизации не скованы необходимостью имитировать общественную пользу от своей деятельности или навязывать свои услуги окружающим.

В отличие от традиционных структур микроуровня социума (малых групп и организаций) сеть, по Б. Латуру, обладает набором обязательных признаков, каждый из которых необходимо воспринимать в связи с остальными: а) эмпирически прослеживаемой взаимосвязью между участниками, б) «пустотой» между «узлами» сети – то есть вне пределов непосредственных контактов (иными словами, что плотность связей в сети крайне неравномерна), в) постоянными усилиями, предпринимаемыми участниками для воспроизводства социальных отношений. При этом сеть – это только «след, оставляемый движущимся агентом», то есть крайне

изменчивое и непостоянное явление [3, с. 182]. Принадлежность к сетям для индивида становится более квалифицирующим признаком, нежели членство в формальных структурах или даже макрогрупповая идентичность. М. Кастельс в своей концепции « сетевого общества » отмечает, что сети представляют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но и не редуцируемую к агентности. Основой этой структуры становятся интеракции между участниками сети [9]. М. Грановеттер доказывает, что для многих социальных задач, таких как поиск работы, например, слабые связи оказываются намного эффективнее, чем сильные. Этот эффект он назвал « силой слабых связей » [10].

Методика исследования. Целью данной статьи является эмпирическая верификация значимости принципа реципрокности для воспроизводства социальных сетей, функционирования практик взаимопомощи и, в целом, устойчивости местных и локальных сообществ. Эмпирической базой статьи послужили данные массовых анкетных опросов, проведенных в Белгородской области в 2010 (N=996), 2015 (N=1002) и 2017 гг. (N=1000) по региональной репрезентативной выборке, сбалансированной по полу, возрасту и поселенческому статусу респондентов.

Роль реципрокности в воспроизводстве сетей взаимопомощи. Результаты исследований 2010 г. и 2015 г. свидетельствуют о высокой значимости семейно-родственных, дружеских (и, в некоторой степени, профессиональных и соседских) связей для восполнения недостаточного объема человеческого капитала [5]. По данным опроса 2015 г., в трудной жизненной ситуации на помощь членов семьи и родственников рассчитывают 68,36% респондентов, на помощь друзей и знакомых – 43,31% [7, с. 102].

Анализируя процесс образования и функционирования социальных сетей и сопоставляя участие в них с принадлежностью к формальным институтам (от государства до корпораций), следует обратить внимание на следующий принципиальный момент. Сколько-нибудь устойчивые сетевые

интеракции не могут осуществляться вне разделяемого их акторами принципа целесообразности и субъективной выгоды включенности в них.

Практически все последователи сетевой теории в качестве ключевого механизма формирования и воспроизводства относительно прочных и устойчивых сетей взаимопомощи рассматривают реципрокность. С.Ю. Барсукова анализирует реципрокность с точки зрения передвижения материальных благ между домохозяйствами в виде даров и основного перераспределительного механизма сообщества [1]. Вместе с тем, реципрокность не является аналогом эквивалентности ресурсов, подлежащих обмену. Для значительного числа интеракций (между друзьями и родственниками) характерно стремление участников к элиминированию «рыночных» мотивов. Так, И.Е. Штейнберг отмечает, что неэквивалентность может существовать лишь в специфической системе отношений, предполагающих «иную рациональность», в том числе, стремление к поддержанию и укреплению доверительных отношений [8, с. 52-57]. Тем не менее, сам концепт «иной рациональности» указывает на наличие взаимных ожиданий, от оправдания которых зависит устойчивость сетевых отношений.

Интенсивность и характер обмена: сбалансированная (прямая) и обобщенная реципрокность в практиках взаимопомощи. Анализ полученных в 2017 г. данных показал, что в региональном сообществе (а с некоторыми оговорками этот тезис можно экстраполировать и на все российской общество) фамилистические, приватные механизмы социальной адаптации устойчиво превалируют над публично-институциональными. Взаимопомощь в пределах «сильных» связей является социальной нормой или, по крайней мере, декларируется в качестве таковой: 80,6% опрошенных считают, что необходимость помогать родственникам и знакомым является «нормой отношений между людьми», 16% допускают оказание помощи, если их об этом попросят, и лишь 2,1% считают, что каждый должен решать свои

проблемы сам, поскольку «такая помощь лишь расслабляет и поощряет к иждивенчеству».

Для сравнения, инициативную помощь незнакомым людям признают нормой лишь 26,8% опрошенных, еще 51,7% считают ее возможной в случае соответствующей просьбы, а 13,8% являются противниками такой помощи.

Семья и родственники, а также друзья являются ключевым источником ресурсов (кроме заработной платы и социальных выплат), необходимых для экономической и социальной устойчивости домохозяйств. Распределение ответов на вопрос «Если Вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь Вы, в первую очередь, рассчитываете?» (можно было дать не более трех вариантов ответа), свидетельствует о наличии достаточно узкого круга лиц, на которых респонденты безусловно могут рассчитывать: на самого себя (83,3%), членов семьи, родственников (79,4%), друзей и знакомых (50,4%). И напротив, на помощь коллег по работе рассчитывают лишь 4,4% опрошенных, соседей – 2,2%, государственных органов (учреждений) – 3,7%.

В сравнении с результатами предшествующих замеров (2011 и 2015 гг.), наиболее заметно увеличение удельного веса респондентов, рассчитывающих только на самого себя (58,8% в 2011 г., 62,7% в 2015 г. и 83,3% в 2017 г.), а также на членов семьи и родственников (74,7% в 2011 г., несколько меньше – 68,4% в 2015 г. и 79,4% в 2017 г.). Также выросла доля тех, кто полагается на помощь друзей: с 43,3% в 2015 г. до 50,4% в 2017 г. При этом удельный вес опрошенных, рассчитывающих на помощь соседей и коллег по работе, снизился [6, с. 73; 7, с. 102]. Полученные данные позволяют отметить усиление тенденций «атомизации» регионального (и российского) социума и однозначного приоритета «сильных» связей в адаптационном функционале социальных сетей.

В нашем исследовании в качестве основных источников и адресатов адаптационных ресурсов фигурировали: родители, взрослые дети, другие родственники (семейно-родственный кластер), друзья, соседи, коллеги по работе (учебе), знакомые. Среди параметров функционирования практик

взаимопомощи были выделены два ведущих – вовлеченность и интенсивность. Вовлеченность характеризует долю респондентов – участников соответствующих практик; интенсивность – частоту обменов ресурсами. Следует также отметить, что вовлеченность в практики взаимопомощи была также детализирована по направленности трансфера ресурсов – получение / оказание помощи.

Наибольшим охватом характеризуются практики взаимопомощи, функционирующие на основе дружеских отношений: 87,7% опрошенных указали, что за последний год или два оказывали помощь своим друзьям, а 81,8% – что получали помощь от своих друзей. На втором месте по степени вовлеченности находятся сразу две группы практик взаимопомощи: 1) источником и адресатом помощи в которых являются родители, и 2) образованные на основе иных родственных связей. Так, 82,5% респондентов за последний год или два помогали своим родителям, и 77,1% получали от них какую-либо помощь. В отношениях с родственниками соответствующие доли составили 81,5% и 78,1%.

Уровень вовлеченности в практики взаимопомощи с коллегами по работе (учебе) по направлению оказания помощи составил 75,2%, получения помощи – 67,0%.

Затем следуют практики взаимопомощи, функционирующие на основе знакомства: 70,3% опрошенных оказывали помощь своим знакомым, 59,8% – получали ее.

Практиками взаимопомощи в соседских сетях были охвачены по линии оказания помощи 61,3%, получения – 52,3%.

Наименьшим охватом характеризуются практики взаимопомощи, второй стороной которых являются взрослые дети – прежде всего, по причине относительной немногочисленности соответствующей группы респондентов.

Приведенные данные показывают очень интересную особенность субъективного восприятия ресурсных обменов. Во всех этих случаях

респонденты отмечают, что дают они больше, чем получают. И эта особенность фиксируется нами не впервые. В исследовании 2011 г. все выглядело абсолютно таким же образом [6, с. 140-174]. Таким образом, большинство участников сетевых обменов считает необходимым подчеркнуть собственную значимость (или даже незаменимость) в сетях взаимопомощи, в которые они вовлечены. И это вполне объяснимо, исходя из простого человеческого стремления к самопозиционированию, к приданию важности собственному социальному бытию.

При этом разница тем больше, чем «слабее» связи. Если в контактах со взрослыми детьми на оказание помощи им указывают 53,9% респондентов, а на получение помощи от них – 52,1% (практически – паритет), то в отношениях со знакомыми эти доли составляют 70,3% и 59,8%, соответственно. На первый взгляд, именно в тех отношениях, которым респонденты склонны придавать большее значение (и в силу объективной значимости их ресурсного потенциала, и в силу социокультурных предписаний), более тщательно фиксируется соблюдение принципа реципрокности.

Однако исключение из процесса анализа респондентов, не имеющих родителей или взрослых детей, а также использование параметра интенсивности дает совершенно иную иерархию социальных сетей взаимопомощи. По мере концентрации инструментария на особенностях ресурсных обменов выясняется также, что их реципрокность далека от рыночной рациональности.

Оказывается, что наиболее интенсивный обмен ресурсами характерен для общения с взрослыми детьми. О том, что раз в неделю и чаще оказывают им помощь, заявили 61,5% респондентов, имеющие взрослых детей, и получают помощь от них – 35,3%. На втором месте по интенсивности ресурсных обменов оказались родители: 57,2% оказывали им помощь раз в неделю и чаще, 37,3% – получали. Все остальные векторы источников и адресатов ресурсных обменов существенно уступают по интенсивности

указанным. Так, интенсивная помощь друзьям практиковалась 27,2% респондентов, получение помощи от них – 18,2%; коллегам по работе (учебе) – 26,2% и 18,2%, соответственно; родственникам – 17,6% и 9,5%; знакомым – 10,7% и 6,4%; соседям – 8,3% и 4,9%.

Только относительно взрослых детей и родителей оказание помощи получило модальное значение «чаще, чем раз в неделю»: 40,0% в отношении первых и 37,6% в отношении вторых. Применительно ко всем остальным адресатам модальное значение частоты оказания помощи было – «несколько раз в год»: другим родственникам несколько раз в год оказывали помощь 41,8% опрошенных, соседям – 40,7%, знакомым – 40,2%, друзьям – 34,6%, коллегам – 30,7%.

Модальная частота получения помощи «чаще, чем раз в неделю» не была зафиксирована применительно ни к одному из типов контрагентов. Даже в отношении родителей и взрослых детей в качестве модальных доминируют значения «раз в месяц» (25,6% и 26,9%, соответственно) и «несколько раз в год» (26,9% и 24,9%).

Разброс в долях респондентов – доноров и реципиентов высокочастотной помощи (раз в неделю и чаще) варьирует от 3,4 п.п. (в отношении соседей) до 26,2 п.п. (в отношении взрослых детей). Таким образом, величина разрыва между долями респондентов, предоставляющих и получающих помощь с высокой частотой и регулярностью, определяется или является индикатором силы связи – наибольшая субъективная неравномерность наблюдается в интенсивности оказания и получения помощи взрослым детям и родителям.

То есть, если рассуждать предельно рациональными категориями, эта помощь либо оказывается авансом, либо является своего рода отсроченным платежом. Однако дальнейший анализ данных настоящего исследования показал, что субъективно практики взаимопомощи в рамках семейно-родственных сетей строятся по большей части без явного учета взаимности обязательств (по К. Штегбауэру – в рамках обобщенной реципрокности):

оказывая помощь родителям или взрослым детям, респонденты в основном не задумываются (или не признаются в этом) о возможности получения ответной услуги в ближайшем или отдаленном будущем – на это указали 70,3% и 71,0% опрошенных, соответственно. Сторонников сбалансированной реципрокности намного меньше – среди тех, кто помогает родителям, на такой же объем помощи рассчитывают 14,9%, взрослым детям – 8,6%. Следует также отметить, что значительная доля респондентов (14,9%), осуществляющих ресурсные трансферы взрослым детям, надеется на ответную реакцию, но в меньшем объеме. Таким образом, отношения со взрослыми детьми характеризуются наиболее высоким уровнем заявленного альтруизма.

В большей степени, но также весьма умеренно, сбалансированная (прямая) реципрокность свойственна ситуациям оказания помощи другим родственникам – но и здесь 59,3% опрошенных не рассчитывают на ответные трансферы (а получить эквивалентный объем ресурсов надеются 23,9%).

Во всех остальных случаях реципрокные ожидания выше, но не радикально. При этом нельзя сказать, что сбалансированной реципрокностью характеризуются только ожидания в пределах «сильных» связей. Так, наиболее выраженный характер они имеют применительно к отношениям с коллегами по работе (учебе): 37,0% опрошенных рассчитывают на ответную помощь в том же объеме и 3,5% надеются получить больше. Однако и в дружеских отношениях 36,2% хотят получить эквивалент отданному, и 3,0% рассчитывают на большее (таблица 1).

Однако ситуация кардинально меняется, когда речь заходит об установках респондентов в ситуации получения помощи. И здесь уже взаимные обязательства приобретают характер модальной установки. Причем, в отношении родителей и взрослых детей эти обязательства приобретают повышенный уровень, в отношении всех прочих контрагентов – имеют характер прямой реципрокности. Отсутствие у себя обязательств по оказанию ответной услуги демонстрирует лишь небольшая часть

респондентов – от 4,6% в отношении родителей до 11,8% в отношении знакомых. При этом параллельно увеличению «силы» связей растет доля тех, кто считает необходимым для себя оказать ответную услугу в большем объеме (от 8,3% в отношении знакомых до 76,9% в отношении родителей).

Таблица 1. Оказывая какую-либо помощь перечисленным ниже людям, в какой мере Вы рассчитываете на взаимность? (% от числа опрошенных, являющихся участниками обозначенных сетей взаимопомощи)

	Рассчитываю получить больше	Рассчитываю получить столько же	Рассчитываю получить меньше	Вообще не думаю об этом	Затрудняюсь ответить
Родителям	8,7	14,9	4,6	70,3	0,6
Взрослым детям	5,3	8,6	14,9	71,0	2,6
Другим родственникам	3,1	23,9	8,2	59,3	5,4
Друзьям	3,0	36,2	6,3	49,5	5,0
Соседям	3,1	31,3	6,3	47,6	11,8
Коллегам по работе и учебе	3,5	37,0	6,8	43,6	8,9
Знакомым	4,9	27,7	7,4	46,7	13,2

Таким образом, если в ситуации оказания помощи между «силой» связей и установкой на реципрокность не было жесткой и линейно выраженной зависимости, то при получении помощи такая зависимость уже появляется. Во-первых, по мере усиления связи растет выраженность установки на обязательства. Так, оказание ответной помощи родителям является обязательной с точки зрения 91,4% опрошенных, взрослым детям – 88,5%, другим родственникам – 83,7%, друзьям – 81,6%, соседям – 70,9%, коллегам – 75,6%, знакомым – 70,0%. Во-вторых, по мере роста силы связи повышается уровень альтруизма, выраженный в принятии на себя повышенных обязательств: 76,9% считают необходимым помогать родителям в большем объеме, нежели родители им, а в отношении знакомых такой ответ дали лишь 8,3%. В-третьих, снижается неопределенность в

установках – в отношении объема ответной помощи родителям затруднились с ответом 4,0% опрошенных, знакомых – 18,2% (таблица 2).

Таблица 2. Принимая какую-либо помощь перечисленных ниже людей, в какой мере Вы считаете себя обязанным оказать ответную помощь (услугу)? (% от числа опрошенных, являющихся участниками обозначенных сетей взаимопомощи)

	Обязан помочь больше	Обязан оказать равноценную помощь (услугу)	Могу помочь в меньшем объеме меньше	Не обязан оказывать ответную помощь	Затрудняюсь ответить
Родителей	76,9	13,2	4,6	4,6	4,0
Взрослых детей	58,1	26,8	3,6	5,0	6,5
Других родственников	23,5	52,8	7,4	6,2	10,1
Друзей	19,7	57,4	8,8	8,9	9,5
Соседей	8,9	51,5	10,2	10,3	18,8
Коллег по работе и учебе	10,6	54,8	10,2	9,7	14,7
Знакомых	8,3	50,7	10,9	11,8	18,2

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что «сильные» связи продолжают доминировать в качестве ведущего адаптационного ресурса домохозяйств. Лишь семейно-родственные и дружеские сети признаются подавляющим большинством респондентов в качестве потенциального адресата обращения за помощью в трудных жизненных ситуациях. Здесь, однако, нужно сделать оговорку, касающуюся отношений с другими родственниками (кроме родителей и взрослых детей). Если ресурсные обмены с родителями и взрослыми детьми характеризуются очень высокой степенью интенсивности, то соответствующие контакты с другими родственниками существенно уступают в этом отношении дружеским и даже профессиональным сетям взаимопомощи. Ресурсный потенциал родственных сетей (за исключением прямой линии родства) имеет «спящий» характер и ориентирован на экстраординарные случаи.

Ресурсные обмены в рамках «слабых» связей (с соседями, коллегами по работе, знакомыми) также актуальны для большинства (от 50% до 75%) россиян, однако по своей интенсивности и субъективной значимости они значительно уступают близкородственной и дружеской взаимопомощи.

Анализ полученных данных показал, что в ситуации оказания помощи большинство респондентов не рассчитывает на эквивалентный объем ответных услуг, и эта установка тем менее выражена, чем сильнее связь между контрагентами. Так, меньше всего сбалансированная реципрокность выражена в ситуации оказания помощи родителям и взрослым детям и более всего – друзьям и коллегам. Напротив, получая помощь от близких родственников, большинство респондентов считает необходимым вернуть ее в большем объеме. В констатации реальных практик взаимопомощи отчетливо просматривается акцентирование респондентами своего большего вклада в отношения с контрагентами – тем большего, чем сильнее связь между ними, причем, не только по формальным признакам статуса, но и по ее интенсивности.

В остальных типах отношений – за пределами близкородственных – доминирует установка на сбалансированную реципрокность – получая помощь, от 50% до 57% респондентов думают об эквивалентной отдаче.

Таким образом, принцип реципрокности является системообразующим в различных типах сетей взаимопомощи, а сама реципрокность – социальной нормой. Однако в родственных связях (особенно в близкородственных) она имеет эмоционально-психологическую, ценностную подоплеку и непременно включает в себя альтруизм и самоотдачу. Во всех остальных сетях взаимопомощи соблюдение некоего баланса в ресурсных обменах является условием их стабильного функционирования.

Список литературы.

1. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. – Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20-29.

2. Кризис отступает. – Режим доступа: http://romir.ru/studies/1005_1517259600/.

3. Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 384 с.

4. Потребительские планы – 2018. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116700>.

5. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе. – Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 137-157.

6. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. 2011. Социальные сети в региональном сообществе. Белгород: КОНСТАНТА. 240 с.

7. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. 2017. Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества: монография. Белгород: Изд-во БГТУ. 156 с.

8. Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей. – Вестник общественного мнения. 2004. № 6 (74). С. 52-57.

9. Castells M. The Rise of the Network Society. Second Edition. Oxford: Blackwell, 2000.

10. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. – American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360-1380.

11. Stegbauer C. Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002.

References.

1. Barsukova S.Ju. Reciproknye vzaimodejstvija. Sushhnost', funkcii, specifika [Reciprocal interactions. Essence, functions, specificity]. – Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 9. S. 20-29. (In Russ.).

2. Krizis otstupaet [The crisis recedes]. – Rezhim dostupa: http://romir.ru/studies/1005_1517259600/. (In Russ.).
3. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russ.).
4. Potrebitel'skie plany – 2018 [Consumer plans]. – Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116700>. (In Russ.).
5. Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N. Seti vzaimopomoshhi v regional'nom soobshhestve [Mutual aid networks in the regional community]. – Region: jekonomika i sociologija. 2011. № 2. S. 137-157.
6. Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N., Bojarinova I.V. Social'nye seti v regional'nom soobshhestve [Social networks in the regional community]. Belgorod: KONSTANTA, 2011. 240 s. (In Russ.).
7. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Mikropraktiki solidarnosti v social'nom prostranstve mestnogo soobshhestva: monografija [Micro-practices of solidarity in the social space of the local community]. Belgorod: Publishing house BSTU named after V.G. Shukhov, 2017. 156 s. (In Russ.).
8. Shtejnberg I. Psihologija nejekvivalentnyh obmenov v setjah social'noj podderzhki gorodskih i sel'skih semej [Psychology of inequivalent exchanges in networks of social support for urban and rural families]. – Vestnik obshhestvennogo mnenija. 2004. № 6 (74). S. 52-57.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. Second Edition. Oxford: Blackwell, 2000. 624 p.
10. Granovetter M. The Strength of Weak Ties. American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360-1380.
11. Stegbauer C. Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. 174 S.